

/ Александр АГЕЕВ /

100 лет ВОЙН

На последние сто лет приходится триумф кредитно-долговой модели экономического развития, которая позволила США через череду дефолтов совершить рывок к статусу нынешнего мирового гегемона, тогда как Россия однообразно выступает в роли мирового донора.

ТОЧКА НАЧАЛА

Есть ли у нас основания полагать, что новая холодная война уже началась? Если они есть, то реагируют ли наши общество и государство надлежащим образом на столь существенное изменение внешних условий?

Если таких оснований нет, то вопросов возникает как минимум три: 1) высока ли вероятность наступления таких обстоятельств, 2) каким ресурсом времени располагает Россия,

чтобы парировать любой неблагоприятный сценарий развития обстановки, 3) какая требуется модель поведения в новой ситуации.

Холодная война, считается, началась 5 марта 1946 года с Фултонской речи Черчилля, произнесённой в присутствии президента США Трумэна. Начало новой холодной войны сегодня усматривают в уже введённых и ожидаемых экономических, технологических и персональных санкциях западных стран против России, втягивании её в украинский и другие кризисы. Однако момент начала войны в реальности складывается из множества моментов, разнесённых по более длительному интервалу.

Когда Черчилль в 1946 году произносил свою речь, уже состоялись демонстрационные ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, были разработаны антисоветские военные операции «Рэнкин», «Немыслимое»¹. В Берлине,

¹ См. «Холодная война» в 2 т. М.: ИНЭС, РУБИН. 2014. Т. 1: Путилин Б.Г., Золотарев В.А «Противостояние двух сверхдержав», Т. 2: Илиевский Н.В. «От Потсдама до Мальты».

странах Восточной Европы, Франции, Италии, Греции набухало взрывоопасное политическое напряжение, в Китае, Корее и Вьетнаме продолжали разворачиваться освободительные движения, вовсе не однозначно связанные с СССР или США. На военно-политическую ситуацию гнетущее влияние оказывала монополия США на атомное оружие. Мешало его применению лишь ограниченное количество произведённых бомб, недостижимость ключевых районов СССР для их доставки, мощная советская группировка в Европе, легко доходившая до Ла-Манша в случае конфликта².

ИСТОКИ И ИСХОДЫ ВОЙНЫ

Любые войны ведутся за исход (последствия), который будет после них, а определяются причинами, которые возникли накануне конфликта. Между причинами и исходом — собственно война, крайний способ разрешения международных противоречий. Война называется «холодной», если между ключевыми субъектами международных отношений состояние «горячей» войны формально не объявлено, но поведение хотя бы одной из сторон направлено на явный и тайный подрыв потенциалов жизнедеятельности другой стороны с применением, в том числе, вооружённых и специальных сил, а между сторонами складываются напряжённые отношения в некотором диапазоне — от дошедшего до крайности напряжения — на грани войны — до «разрядки».

Война приобретает мировой статус, если вовлекает в явное или латентное военное столкновение большинство значимых стран мира, в том числе и без военных действий на их территории. Статус «мировая война» предполагает вовлечённость в неё практически всех великих держав, как это было в Первой и Второй мировых, обеих сверхдержав — как в случае холодной войны.

Для квалификации современного или перспективного состояния как мировой войны необходимо военное противостояние единственной на сегодня сверхдержавы — США хотя бы с одной великой державой сегодняшнего мира. Формальное объявление такого противостояния и военные столкновения непосредственно на пространствах противников превратят его в «войну горячую». Отсутствие

объявления и прямого конфликта с вооружёнными силами противника на любом театре возможных боевых действий (суша, море, воздух, космос), но наличие целенаправленных действий по подрыву потенциалов противника делает её холодной войной.

Фундаментальный признак наличия или отсутствия войны: негативные последствия в виде утрат потенциалов — военного, демографического, экономического, финансового, технологического, территориального, военного, инфраструктурного, организационно-управленческого, политического, репутационного и т. п.

Ретроспективно подготовка военных планов и боевые действия трёх мировых войн XX века разворачивались вокруг двух осей, определявших интересы и мотивы, военную и экономическую стратегию и тактику сторон: доступ к: 1) рынкам сбыта и источникам поставок минерально-сырьевых ресурсов и 2) транспортным (коммуникационным) артериям.

Так, нападение Германии на СССР в 1941 году во многом, если даже не в основном, диктовалось невозможностью дальнейшего экономического развития на принципах сырьевой самодостаточности. Доступ к бакинкой и грозненской нефти, углю Донбасса, урану, марганцу, ртути и железной руде Днепропетровско-Криворожского бассейна, чернозёмам Украины, удобным для расселения ландшафтам, рабской рабочей силе, а также сакральным объектам Евразии: Крыма, Поволжья и Кавказа, — всё это предопределяло военное планирование Третьего рейха. Немецкие военные планы были тщательно увязаны с заявками промышленности, деловых кругов, силовых и идейных корпораций на конкретные предприятия, месторождения, объекты. Всего страны «оси» контролировали на 1941 год треть ресурсов и населения земли³. Цель — установление мирового господства — на этом фоне отнюдь не казалась эфемерной.

Вторая ось мирового противостояния — борьба за пути доступа к важнейшим ресурсам, за коммуникационные магистрали на суше и на море. Сегодня транспортный комплекс охватывает помимо железных и автодорог, воздушного транспорта также и трубопроводный транспорт, связь, частотный ресурс, космическую инфраструктуру и т. п..

² См.: Фалин В.М. «О войнах разных – горячих и холодных», Экономические стратегии, № 6–7, 2014.

³ См. подробнее: Козловский Е.А. «Геология. Уроки Великой войны». Экономические стратегии, № 3, 2010.

В некотором смысле контроль над транспортными артериями являлся самоцелью. Достаточно вспомнить коллизии вокруг КВЖД и железной дороги Берлин—Багдад, канала кайзера Вильгельма, поперечной дороги между Восточным и Западным побережьями Африки, Босфор и Дарданеллы, Суэцкий и Панамский каналы и т. д. Строительство этих магистралей приходится на конец XIX и начало XX века и сопровождается нарастанием конфликтности между ключевыми стратегическими игроками. Контроль безопасности коммуникаций, а попутно извлечение транзитной ренты было стратегической целью во всех военных планах и операциях последнего века.

Люди и территории — особый вид ресурсов, хотя в начале XX века акцент делался скорее на территориях с ресурсами; население тогда рассматривалось по преимуществу как мобилизационный потенциал. Сегодня население больше ценится как потребительский рынок. Отношение к территориям тоже стало более избирательным.

Однако причины войн не исчерпываются проблемами доступа к ресурсам, рынкам и коммуникациям. Войны — это ещё и продукт цепочки управленческих решений конфликтующих сторон. Решения, в свою очередь, принимаются теми, кто: 1) обладает правом принятия таких решений, 2) имеет своё мировоззрение и историческую память, картину актуальной реальности, представление о возможностях и намерениях собственных, а также партнёров и противников, 3) находится во взаимодействии как с собственным окружением (не только ближайшим, но и основными заинтересованными группами), так и испытывает внешнее влияние, которому подвержены в той или иной степени и с тем или иным знаком.

В конечном счёте причины, интересы, мотивы, взаимодействие причин и людей, их устремления и ожидания, подвиги и ошибки, логика, смысл и бессмыслица событий сплетаются в какой-то запутанный клубок. И даже спустя целый век есть все основания даже о Первой мировой сказать так: «Казалось, что эта война продлится недолго... Однако, вопреки ожиданиям, она всё тянулась и тянулась. ...Когда война, наконец, закончилась, люди попытались понять, что же произошло

на самом деле и что вызвало конфликт. Существовало множество объяснений — от ошибки, высокомерия и глупости до напряжённых отношений между конкурентами в мировом масштабе и в индустриальном обществе в целом. ...Великая война стала бедствием как для победителей, так и для побеждённых»⁴. Аналогичный клубок сплетается и в наши дни.

«ЧЁРНЫЕ ЛЕБЕДИ»

Хотя причины войн имеют объективные свойства, а их начало и реальный ход, как и завершение, существенно зависят от интерпретации реальности (рефлексии), свою роль во всех войнах играют «чёрные лебеди», непредсказанные или не принятые в расчёт события, вызвавшие существенные и долгосрочные последствия.

Так, и обе мировые «горячие» и холодная войны вызвали колоссальные изменения, ожидал которые мало кто из современников. «Как часто я мечтал о русской революции, которая существенно облегчила бы нам жизнь; и вот она свершилась, совершенно внезапно, и у меня с души свалился тяжёлый камень, сразу стало легче дышать. А что она позднее перекинется и к нам, об этом я тогда и подумать не мог», — признавался Людендорф⁵. Так желаемое для некоторых ключевых игроков той войны сплелось с непредсказуемыми «чёрными лебедями».

Но раскрытый ящик Пандоры таил гораздо больше из того, о чём не мог и подумать Людендорф. В декабре 1917 года было подписано тайное соглашение между Великобританией и Францией, отдавшее в сферу интересов Великобритании Кавказ и казацкие территории на Кубани и Дону, а в сферу интересов Франции — Бессарабию, Украину и Крым. США вскоре заявили о своих интересах на Севере России и на Дальнем Востоке и отправили экспедиционные войска. Разваливающаяся империя быстро наполнялась активно действующим по своему усмотрению вооружённым контингентом: возвращающимися с фронта частями и тысячами разрозненных военнослужащих, красногвардейцами, пленными чехами, словаками, австрийцами, китайцами, латышами, анархистами и т. д.

⁴ См. Ергин Д. Добыча.: М., 2007.

⁵ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полковника. 1914–1918. М.: Центрполиграф, 2007. С. 188.

Однако в хаос вверглись все. Даже США, позже всех вступившие в войну, в апреле 1917-го, в 1920 году с трудом справлялись с нормализацией внутреннего положения в стране.

Спустя 22 года после крушения Российской империи на XVIII съезде ВКП (б) глава советского государства выступит со своей программной речью, в которой определит сложившееся положение и место в нём нашей страны. Прежде всего он подчеркнёт, что уже идёт «новая империалистическая война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более 500 миллионов населения. Насильственно перекраивается карта Европы, Африки, Азии. Потрясена в корне вся система послевоенного так называемого мирного режима... экономический кризис... приводит к дальнейшему обострению империалистической борьбы. Речь идёт уже не о конкуренции на рынках, не о торговой войне, не о демпинге. Эти средства борьбы давно уже признаны недостаточными. Речь идёт теперь о новом переделе мира, сфер влияния, колоний путём военных действий...»⁶.

Перечень событий, которые и сегодня втягивают мир в новый мегаконфликт, снова

повторяет предысторию Первой и Второй мировой войн.

После Первой мировой «запаса прочности» Версальско-Вашингтонской системы хватило чуть более чем на 10 лет, хотя тогдашняя холодная война стартовала уже в 1919 г.⁷ Большей прочностью обладала ялтинско-потсдамская система мироустройства. Её хватило почти на полвека, чтобы предотвратить новую мировую «горячую» войну. После завершения холодной войны в 1991 году в связи с исчезновением одной из сторон конфликта, казалось, наступила новая эпоха... Когда на самом деле началась и прерывалась ли вообще холодная война — эти вопросы требуют прояснения. Ведь постоянное, пусть и циклическое, вползание мира в новую бойню свидетельствует о том, что ни причины, ни мотивы, ни стиль разрешения противоречий не изменились.

КАПИТУЛЯЦИЯ 1991 ГОДА

Фултонская речь Черчилля в 1946 году была знаковым событием, сравнимым с нотами Пурталеса в 1914-м и Шуленбурга в 1941-м. Последние официально объявляли России—

⁶ Сталин И.В. Сочинения. Т. XIV. М.: Писатель, 1997. С. 290, 294, 300.

⁷ См.: Фалин В.М. «О войнах разных – горячих и холодных». Экономические стратегии, № 6–7, 2014. С. 109-119.

СССР «горячую» войну которая уже началась. Для анонсирования войны холодной был избран отставной, но авторитетный политик. Но целый ряд решений, явно недружественных, был принят ещё при жизни Рузвельта.

К 5 марта 1946 года у обеих сторон накопилось множество свидетельств наращивания потенциала противостояния, враждебных намерений, планов и действий. План «Дропшот» 1949 года подвёл идеологическую и военно-стратегическую основу под уже идущую холодную войну. В нём было подчёркнуто, что «наиболее серьёзную угрозу национальной безопасности США представляет... сама природа социалистического строя». Соответственно поставлена и главная политическая цель намечаемой войны: не ограничение «мощи и влияния Москвы», как в предыдущих планах, а ликвидации Советского социалистического государства, уничтожение «корней большевизма», реставрации капитализма и колониализма и установления с помощью НАТО американского мирового господства.

Для этого требовалось «уничтожить советскую волю и способность к сопротивлению путём стратегического наступления в Западной Евразии и стратегической обороны на Дальнем Востоке»⁸.

Также предусматривались операции психологической войны для подрыва морального духа населения СССР. Всеобъемлющая экономическая блокада СССР началась в 1947 году.

Хотя анализ своих «атомных возможностей» показал США недостижимость целей плана при тогдашнем соотношении сил и хотя была затем выработана долговременная «стратегия сдерживания», ключевые цели холодной войны никто не пересматривал вплоть до её окончания⁹. Наращивание военного превосходства стало основой западной геополитической стратегии. В меморандуме Совета национальной безопасности США СНБ-68 отмечалось: «Без совокупной превосходящей военной силы, находящейся в состоянии боевой готовности и быстро мобилизуемой, политика устрашения, являющаяся практически политикой спланированного и постепенного принуждения, будет не более чем блефом»¹⁰.

В последующие десятилетия холодная война разворачивалась практически по всем закоулкам планеты, в мировом океане, в воздушном и космическом пространстве, по всему спектру взаимодействия, включая культуру и спорт, пропаганду, образ жизни. Несколько раз стороны были на грани применения ядерного оружия, прежде всего — в Корейском, Берлинском и Карибском кризисах. Несколько раз начиналась и сворачивалась «разрядка» напряжённости. Но базовые постулаты и цели холодной войны с западной стороны оставались неизменными весь послевоенный период.

Советская позиция претерпевала свою динамику, опираясь на рывок в создании ракетно-ядерного оружия и системы ПВО, выход на военно-стратегический паритет с США, следуя своему пониманию пределов соперничества и экономических возможностей, текущей и перспективной мировой и внутренней ситуации. Но главное, что подточило СССР, всё-таки сводилось к тем аттракторам и принципам, которые определяли его и внешнюю, и вну-

⁸ Drop Shot. The United States plan for War with the Soviet Union in 1957. Ed. by A Brown. N. Y., 1978. P. 47.

⁹ Cjntainment. P. 303.

¹⁰ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. (далее – Frus). 1950/ Vol. 1. National Security Affairs: Foreign Economic Policy. – Wash., 1977. P. 253.

треннюю политику. Прежде всего, сказалась перегрузка военными программами и вовлечённостью в мировые локальные конфликты — без надлежащего осознания их соответствия или несоответствия жизненно важным интересам страны. Сложившаяся социальная структура и инертность политико-идеологического режима не позволили своевременно диверсифицировать и перевести советскую экономику на новые технологические платформы и поднять качество жизни. Хаотизация аттракторов в ходе перестройки обернулась катастрофой, в самом существенном повторив череду событий 1916–1917 годов.

Открытая ликвидация СССР как «геополитической реальности» в декабре 1991 года завершила холодную войну. Формально никто не подписывал, как в Компьене, Карлсхорсте или на борту крейсера «Миссури», акта о капитуляции. Радостный звонок Ельцину президенту Бушу из Беловежской пуши не похож на капитуляцию. Но опыт двух мировых войн научил по крайней мере тому, что победителям не следует слишком явно унижать проигравшую сторону. Это закладывает избыточно сильные мотивации отложенного реванша.

С учётом опыта Первой мировой, унижившей народ и элиты Германии, после Второй мировой войны внешнеполитические архитектуры и внутренние институты для потерпевших поражение Германии и Японии принудительно строились в формате их интегрирования в военно-политические и экономические институты победителей.

Так и руководство новой России, ставшей де-юре преемницей СССР, выбрало курс на интегрирование в международные, прежде всего — западные институты. Необходимые и достаточные условия для принуждения России к такому выбору были сформированы в годы перестройки. Прежде всего — дезорганизация экономики, стремительное обременение внешними долгами, разрушение организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи, неоднократная замена руководящих кадров практически по всей управленческой вертикали и демонтаж системы управления, межнациональные конфликты, внешнеполитические уступки и явные ошибки. Извне были предприняты действия по снижению цен на основные экспортные товары СССР (газ и нефть), блокированию доступа к кредитам и развёртыванию проекта «Звёздных войн».

Логика фактов однозначно свидетельствует о факте капитуляции СССР в холодной войне и последующем исполнении Россией её условий. Цели «Дропшота» и последующих уточняющих и конкретизирующих его доктрин, директив и стратегий в целом были реализованы.

Признаки капитуляции в любой войне сводятся к разоружению и отказу от борьбы с противником; смене политического режима и явному или завуалированному контролю над отправлением правительственных функций и расстановкой кадров; утрате территорий; открытию границ для капитала страны-победителя; выплате репараций в разных формах вывода финансового и материального капитала вовне, целенаправленной обработке общественного сознания в пользу нового курса; новым внешнеполитическим ориентирам.

Подобное принуждение на себе испытали Франция после 1871 года, Германия и Австро-Венгрия после 1918-го, Германия, Италия, Япония после 1945 года, Россия после 1991 года. Оформленные, правда, российские обязательства в 1991 году были намного искреннее, представ как «свободный выбор свободного народа в пользу демократии», но будучи по сути квази-капитуляцией.

В результате своего добровольно-принудительного положения Россия была втянута в разрешение геополитических и геоэкономических задач бывшего противника.

Прежде всего, фактический обмен западной финансовой и товарной массы на дешёвые ресурсы постсоветских государств предотвратил срыв экономики США и Европы в кризисный «штопор». Была продана по заниженным ценам даже значительная часть запасов обогащённого урана и других стратегических минеральных ресурсов.

По сути, это была экспроприация в пользу Запада части ресурсов СССР как результат его поражения в холодной войне. Хранение национальных валютных резервов постсоветских стран, включая Россию, в гособлигациях США также явилось одной из форм репараций победителю в холодной войне. Сюда следует добавить существенную «утечку умов» и объектов интеллектуальной собственности. Всего, по самым осторожным оценкам, отток инвестиционных ресурсов из РФ за 90-е и нулевые годы превысил 2 трлн долларов. Установлению неэквивалентного обмена стран Запада с РФ способствовал и импорт оборудования, технологий, других объектов интеллектуальной

собственности, который хотя и способствовал модернизации экономики, но и усиливал импортозависимость и привязку к зарубежным техническим решениям, зачастую устаревшим.

Следует учесть и масштаб экономических, технологических и демографических потерь, а также упущенных альтернативных выгод, которые страна понесла в результате принятого курса реформ и форсированной трансплантации институтов.

Освобождение от неформальных и формальных условий квазикапитуляции началось лишь с укреплением экономического положения России, восстановлением военного потенциала, накоплением обоснованного недоверия к Западу, пробуждением массового патриотического самосознания. Глобальный финансовый кризис, «пятинедельная война», яростная антироссийская информационная кампания в августе 2008 года и в период президентских выборов 2012 года, наконец, украинский кризис катализировали обретение Россией основ своей новой геополитической субъектности.

Осознание чрезмерного давления на самолюбие, а по существу — на суверенитет — России и её руководства и общества, появляется сегодня и на Западе — «не надо тыкать палкой русского медведя». Квинтэссенцию этого осознания 16 сентября 2014 года в *Le Monde* выразил бывший глава МВФ Мишель Камдессю, подчеркнув, что после развала СССР Запад отнёсся к России как к поверженному противнику, которого стало можно игнорировать и даже унижать. Победённым русским достались ирония, сарказм и презрение. Это было безответственно. Вся эта история напоминает взрывоопасную логику Версальского договора 1919 года, который намеренно унижал побеждённую Германию.

СИЛОВАЯ ЭКОНОМИКА

Прологом к Большой войне является снятие барьеров для использования разнообразных силовых экономических рычагов. Потенциал, способность и готовность их применить составляют глобальный организационный капитал США и их союзников. Комплекс этих рычагов включает в себя контроль важнейших финан-

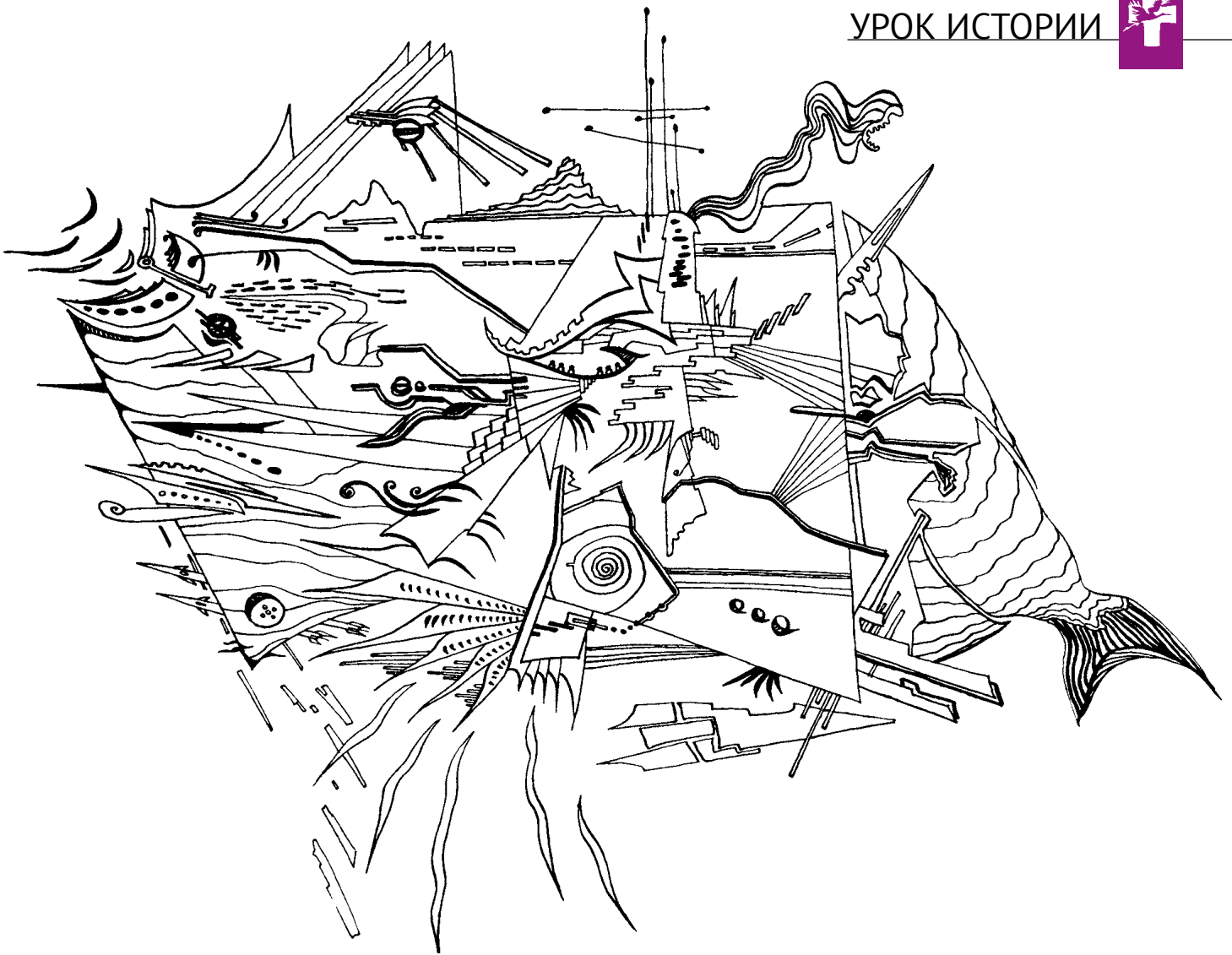
совых и коммуникационных инфраструктур, нормативного поля, инфраструктуры и контента СМИ и Интернета, поставки ВВТ, управление доступом к космическим технологиям, неэквивалентную продажу инноваций, перенос энергоёмких и неэкологичных производств, торговлю квотами на углекислый газ, манипулирование ценами и структурой поставок сырья, энергоресурсов, воды, медикаментов и продовольствия, контроль пандемий, а также манипулирование объёмами денежной массы, производных финансовых инструментов, курсами валют, ценой на золото, контроль офшорных зон и отмыwania денег и т.д. и т.п.

Этот комплекс придаёт американскому финансовому «мыльному пузырю» вполне реальное наполнение в виде американских инвестиций в другие страны, стимулирования американского спроса на импорт, принудительной корректировки параметров стратегически важных производств, поставок и коммуникаций в таких случаях, как Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия, Югославия, Судан и другие. В результате бенефициаром американского «мыльного пузыря» выступают не только сами США, но и широкая коалиция государств и корпоративных заинтересованных сторон.

Строго говоря, балансировка нарушенного равновесия финансового и реального секторов может длиться довольно длительное время. В конце концов, нынешний дисбаланс беспрецедентен, но он бьёт исторические рекорды уже более 10 лет, и «красная черта» — категория пусть и не умоуменьшаемая, но в некотором смысле экспериментальная. Поэтому между фазой «Большого кризиса» и фазой «Большой войны» есть дистанция. Кризисная фаза может быть растянута во времени, что и показывает течение кризиса с 2008 года, опровергающее многие торопливые предсказания «краха империи доллара».

В кризисе как управляемом стихийно протекающем процессе¹¹ чередуются активные и пассивные фазы. Они модулируют управляющее воздействие на поведение экономических агентов, мониторинг их реакции — шок, стресс, адаптацию, релаксацию и новую корректировку для выведения системы в желаемое временно устойчивое состояние.

¹¹ Агеев А.А., Логинов Е.Л., «New Deal - 2008 — «новая сдача». Блудные ученики Франклина Рузвельта», Экономические стратегии, № 2, 2009. С. 30–36

Ключевой момент активной фазы кризиса — это заранее спланированный и организованный момент сжатия финансовой массы, дающий импульс нарастающей волне требований возврата займов по кредитной цепочке, что в итоге упирается в невозврат долгов из-за невозможности перекредитования. Далее начинается запрограммированная перегруппировка активов и облика финансово-банковских корпораций на фоне панического шараханья из стороны в сторону дезориентированной массы индивидуальных и корпоративных инвесторов. Когда, наконец, «сигнал затухает», то перед всеми предстаёт новый экономический ландшафт — новый уровень и конфигурация концентрации капиталов, добровольно-принудительная картелизация американской и международной финансовой системы. Именно это и имелось в виду при выработке стратегии текущего глобального кризиса. Однако стратегический замысел этим не исчерпывается, как это было и в случае с Великой депрессией, отнюдь не завершившейся в 1933 году. Для выхода США на лидирующие позиции в западном мире тогда требовалось

участие в большой войне с соответствующим стимулированием реального производства и перекраиванием устройства мировых финансовых и товарных рынков.

Понятие войны в современных условиях нуждается в качественном пересмотре и расширении. Военный конфликт сегодня есть более или менее brutальная (кровавая) форма экономической, по своей сути, борьбы. Только сегодня эта борьба не столько за ресурсы и рынки сбыта, линии коммуникаций, хотя и за это тоже. Достаточно вспомнить современные и ожидаемые очаги напряжённости, чтобы убедиться в неизменности этих причин противостояния (Суэцкий канал, Южный поток, Великий шёлковый путь, острова Спратли, Арктика, Балканы, Судан, Ливия, Сирия, Иран, Афганистан и т.д.). Наиболее жёсткая борьба идёт за инструменты глобального регулирования экономической активности между государственными структурами и определёнными кланами глобального управленческого суперкласса, хотя и опирающимися на конкретные страны. В предельной формулировке — это борьба за мировое господство,

за власть над поведением всего человечества, его ценностями и смыслом существования.

Надвигающийся мировой военный конфликт призван решить задачи завоевания, удержания контроля и стимулирования роста конкретных зон экономической активности для концентрации стратегических товарных и финансовых ресурсов. Собственно военный конфликт и угроза его развёртывания выступают способом управления глобальными политическими процессами¹².

Важнейшей современной особенностью является тиражирование и разрастание очагов хронического военно-террористического напряжения (вокруг и внутри Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии, Ливана, Судана, Сомали, Косово и т. п.). Эти «серые зоны» контролируются непризнанными, зачастую с неопознанной принадлежностью, военизированными группировками, находящимися вне юрисдикций¹³. Однако они находятся в нелегальном контакте с партнёрами, обеспечивающими для них поставки оружия, продовольствия, финансовый сервис, как правило — в криминальной форме. А главное — эти «серые зоны» возникают вблизи главных осей и прежних войн — ресурсных бассейнов (нефте- и газоносные территории, очаги массового производства наркотиков, месторождения драгоценных и редкоземельных металлов, источники пресной воды), транспортных артерий и хабов.

Глобальная стратегия США исходит из необходимости концентрации на первостепенных угрозах, чтобы не растрчивать ресурсы и жизненные силы. В число первостепенных угроз входят:

- 1) Непосредственные интересы американскому будущему — грядущий вызов Китая, «веймарский синдром» России, распространение ОМП в направлении государств-париев;
- 2) Региональные войны — прежде всего в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии;
- 3) Важные международные проблемы, не затрагивающие собственно американские интересы (Косово, Сомали и т. п.)¹⁴.

Последние приоритеты угроз в формулировке Обамы (ИГИЛ, Россия и вирус Эбола) — актуальная конкретизация задач по парированию «первостепенных угроз».

ДОНОР И БЕНЕФИЦИАР

100 лет — достаточный срок для определения сути явления. Повторяемость войн — сначала двух мировых, затем холодной и теперь — признаков новой холодной войны — свидетельствует о наличии некоторого устойчивого механизма, с определённой периодичностью выводящего человечество в состояние военного конфликта.

Если ключевые ресурсы (энергосырьевые, людские, транзитные) находятся в развивающихся странах, авангард которых сегодня — это страны БРИКС и МИНТ, то технологические, военные и институциональные ресурсы в ходе мирового развития сосредоточились преимущественно в странах Запада. В мирной парадигме это выглядит как естественная основа обмена, торговли, сотрудничества, гармонии цивилизаций. В иной парадигме такое неравномерное распределение возможностей, может быть, и является поводом для силового перераспределения и агрессии.

От веков колонизации европейскими державами известной ойкумены остались не только неравномерность развития стран и регионов, но и культура силового решения экономических в своей основе проблем.

К Первой мировой войне вёл длительный путь, истоки которого обнаруживаются в невероятно быстром взлёте Германии, консолидации США и имперской гегемонии Великобритании, с одной стороны, и дискриминированном положении России — после поражения в Крымской войне, и Франции — после поражения 1871 года. Решение внутренних проблем основными великими державами за счёт колонизации мира быстро привело их к столкновению в основных точках пересечения интересов и коммуникаций.

Вторая мировая война во многом доигрывала сюжетные партии, обозначенные итогами войны 1914–1918 годов.

Очевидна и связь холодной войны и итогов Второй мировой.

Только когда объявился один победитель всех трёх войн, стала очевидна вся партитура вековой драмы, её главный стержень и главная модель победы. Она не сводится к военной силе.

¹² Голдгейер Дж., Макфол М. Цель и средства. Политика США в отношении России после холодной войны. — М.: Международные отношения. 2009. С. 520.

¹³ См.: 4-я мировая война. — М, 2002.

¹⁴ Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. — М.: Алгоритм, 2001. С. 153.

Именно на эти сто лет приходится триумф кредитно-долговой модели экономического развития, которая позволила США через череду дефолтов совершить рывок к статусу нынешнего мирового гегемона, единственной сверхдержавы.

Россия в этом контексте устойчиво однообразно выступала в роли мирового донора.

Во всех войнах XX века обнаруживается прямая связь экономического роста в США с всплесками ресурсных изъятий из России, а также с втягиванием России в военно-политические конфликты. Западу усиление напряжённости даёт основания для наращивания военных расходов, загрузки предприятий ВПК и военного присутствия США в значимых регионах. Механизм выхода из кризиса срывается по одному шаблону: сжатие и сжигание денежной массы в ходе кризиса и конфликта, затем и отчасти параллельно — наращивание денежной массы для посткризисного роста.

На каждом витке событий, предваряющих и составляющих мировую войну и обеспечивающих благоприятный для главного игрока исход, видны отчётливые экономические и политические результаты. Они — результат не стихийной удачи, геополитического везения, а тщательно спланированного мегамасштабного долгосрочного планирования, способности формировать проектное поведение в глобальном масштабе. Успех этой стратегии в Первой мировой стимулировал тиражирование этой стратегической матрицы в преддверии, в ходе и после Второй мировой, в холодной и в наше время. Палитра результатов красноречива и говорит о том, что бенефициар имеет все основания думать — «игра стоит свеч».

ВЫВОДЫ

Ответим на вопросы, поставленные в начале. Главный из них — есть ли у нас основания для умозаключения о том, что новая холодная война уже началась?

Рисунок событий сегодня во многом (фрактально) повторяет то, что происходило в отношениях СССР и Запада после окончания Второй мировой войны, но пока в менее масштабном виде и с отягощением «веймарским синдромом» России. Недавнее отнесение действий России президентом США в ООН к одной из трёх наиболее существенных угроз миру можно было бы рассматривать в качестве аналога Фултонской речи Черчилля. Однако «псакизация» стиля внешней политики США дезавуирует эту аналогию. Следует ожидать более значимого «ремейка» фултонских за-

явлений. Множество «охлаждающих» событий ознаменовало пока переход в предвоенный период новой холодной войны.

И государство, и российское общество переживают интенсивный период «падения на новый аттрактор». Но стратегический выбор ещё не сделан. Сохраняются в элитах и в обществе устаревшие фикции о возможности следования прежней экономической и геополитической парадигме, сводящейся к интеграции в структуры Запада, делегированию ему части своей ответственности за собственное цивилизационное развитие, предпочтению примитивной модели государственно-монополистического устройства экономики. Однако крепнут подходы к альтернативной модели, основанные на решительном углублении сотрудничества в рамках стран БРИКС и МИНТ.